

АКАДЕМИЯ ДРАКУЛА

ПРОБУЖДЕНИЕ

ULDUZ KARAYEVA

18+

Ulduz Karayeva

Академия Дракула. Пробуждение

«Автор»

2026

Karayeva U.

Академия Дракула. Пробуждение / U. Karayeva — «Автор», 2026

В далёком будущем Земля изменилась до неузнаваемости. Люди всё ещё живут на её поверхности, но больше не владеют своей судьбой. Миром правят бессмертные — вампиры, оборотни и ведьмы. Они — вершина нового порядка, а люди стали низшим, почти забытым народом. Законы этого мира жестоки: ошибка стоит жизни. Вампиры питаются человеческой кровью, оборотни поддерживают порядок, ведьмы плетут свои заклинания, а люди выживают, выполняя самую тяжёлую работу. Сердцем нового порядка стала Академия, скрытая в лесу у подножья гор. Здесь высший класс оттачивает свои силы, плетёт интриги и борется за власть. Но когда древние правила сталкиваются с новыми амбициями, даже бессмертие перестаёт быть гарантией победы.

© Karayeva U., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обычный вечер	6
Война, которая изменила всё	7
Мир после войны	8
Совет Академии	9
Академия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ulduz Karayeva

Академия Дракула. Пробуждение

Пролог

В далёком будущем Земля изменилась до неузнаваемости. На поверхности ещё живут люди, но они больше не хозяева своей судьбы. Миром правят существа, наделённые силой и бессмертием – вампиры, оборотни и ведьмы. Они – высший класс, вершина пирамиды, а люди теперь лишь низший, забытый народ.

Законы этого нового мира установлены этими существами, и любое нарушение или неосторожное движение со стороны человека может стоить ему жизни. Люди живут в постоянном страхе: вампиры пируют их кровью, оборотни следят за порядком, ведьмы плетут свои заклинания, а обычные люди лишь прислуживают, выполняя самую тяжёлую работу. Их дома обветшали, их улицы грязны, а любая ошибка может привести к смерти – не в результате войны или болезни, а от голода и каприза бессмертных.

Сердцем этого мира стоит Академия, спрятанная в лесу у подножья гор. Здесь учатся представители высшего класса, совершенствуют свои способности и плетут политические интриги, почти забывая о том, что люди, их прислужники и жертвы, живут в страхе всего в нескольких километрах от их роскошных залов.

Обычный вечер

Стюарт развалился на диване в своей тёмной, слегка захламлённой квартире. Пакеты с едой, пустые банки, разбросанные бумаги – ничто не заставляло его заботиться о порядке. На столе рядом стояло пиво, открытая пачка чипсов. Он лениво грыз их, не думая о том, что делает.

Телевизор показывал рандомный футбольный матч. Стюарт даже не знал, кто играет, но звук диктора, кричащего о голе, внёс немного привычного хаоса в его вечер. Параллельно он листал ленту в TikTok, отвлекаясь на короткие ролики. Каждый второй видео был тревожным: кто-то кого-то кусает, кого-то нападают, странные нападения, странные люди. Стюарт с недоверием хмыкал: «Вот опять блогеры хайпятся на непонятный шаг». Он выключил телефон, прибавил звук телевизора и продолжил смотреть футбол. Вечер был для отдыха, а не для размышлений о катастрофах.

Но через тонкую щель занавески, чуть приоткрыв окно, на улицу попадал свет ламп престижного района, где стояла его квартира. И тогда Стюарт заметил движение, и подошел к окну, что то не дало ему открыть занавеску и он начал наблюдать будто прячась : а прохожий на тротуаре спорил с кем-то, его эмоции выплёскивались в воздух, слова летели в ночную тишину.

И внезапно произошло нечто, чего он не мог предвидеть. Всё случилось мгновенно: человек на улице замер, его тело словно опустошили, кровь исчезла за секунды. Он рухнул на землю без движения. И тот, кто сделал это, выпрямился.

Стюарт увидел его, но не успел понять, что происходит. Лицо существа было бледным, почти прозрачным. Красные глаза мерцали в полумраке, волосы идеально уложены, словно замершие на века. Он медленно повернул голову, будто смотрел прямо на него, и мягко вытер кровь с губ. Улыбка на его лице была спокойной, смертельной, и именно она дала ощущение, что привычный мир закончился.

Существа, о которых писали лишь в книгах, о которых люди романтизировали и идеализировали, теперь вышли из тени. Они устали скрываться, устали притворяться. Они пришли забрать этот мир.

И в этот момент вечер Стюарта, его обычная рутина и привычная безопасность исчезли навсегда.

Война, которая изменила всё

Сначала война пришла тихо, почти незаметно, как тень, растянувшаяся над миром. Сообщения были разрозненными и смутными – исчезла деревня, сгорел город, ходили слухи о существах, которых не должно было существовать. Люди списывали это на мифы, на панику. Но мифы оказались реальностью.

Вампиры передвигались по городам с хладнокровной точностью, оставляя за собой пустые улицы. Оборотни разрывали военные конвои и маленькие города, их сила была непревзойденной, ярость – безжалостной. Ведьмы, хитрые и терпеливые, управляли событиями из тени, превращая союзников в врагов и сея хаос, даже не прилагая усилий.

Это была война без пощады. Целые нации рухнули под натиском этих древних сил. Технологии, когда-то символ человеческого могущества, перестали работать. Линии связи замолкли, транспортные сети разрушились, энергосети погасли. Фабрики, лаборатории, города – всё превратилось в руины почти мгновенно.

Легенды, которые когда-то были сказками для детей, теперь определяли реальность. Книги, песни и шёпоты рассказывали о совершенстве вампиров, свирепости оборотней и тонкой силе ведьм. Люди восхищались этими историями, романтизировали их, но были совершенно не готовы к их возвращению.

Война длилась годами. Не один бой, не один день стал её финалом. Это было медленное, неумолимое разрушение всего, что построил человек. К моменту её окончания мир уже изменился навсегда. Люди выжили, но больше не правили.

Разрушенные города стали памятниками утраченной эпохи. Небоскрёбы стояли, словно скелеты амбиций. Дороги и мосты, когда-то артерии жизни, лежали сломанными и заброшенными. Технологии, вода, энергия – больше не принадлежали людям. Они распределялись, регулировались, контролировались теми, кто вышел победителем.

Существа, которые когда-то были лишь историями и выдумками, теперь ходили среди остатков человечества открыто. Они устали прятаться. Они устали притворяться. Эпоха человеческого господства закончилась, и новые правители пришли.

Мир после войны

Прошло уже много лет с конца войны. Десять лет страха и разрушений превратились в века, и мир изменился до неузнаваемости. Города, которые когда-то были центрами цивилизации, лежали в руинах. Складывались легенды о прежних эпохах, но люди больше не жили там, где жили их предки.

Выжившие поселения превратились в укрепленные города-низшие классы. Здесь люди старались держаться вместе, соблюдая строгие правила, выживая по расписанию: кто-то работает, кто-то получает еду, вода и тепло – всё строго распределено. Свобода стала роскошью, а надежда – редкой привилегией.

Технологии, которые когда-то были главной силой человечества, теперь были запрещены. Компьютеры, машины, устройства связи – всё это стало недоступным. Разрешалась только базовая медицина; всё остальное было вне досягаемости человека. Любые попытки использовать технологии карались строго. Человечество больше не могло полагаться на свои изобретения.

Тем временем мир победителей процветал. Вампиры жили в роскоши и власти, их города сияли в темноте, а порядок поддерживался железной дисциплиной. Обратни возвращали иерархию силы и строго следили за своей территорией, демонстрируя мощь и контроль. Ведьмы действовали хитро и скрытно, управляя событиями из тени, выбирая, кому дать шанс, а кого оставить на растерзание хаосу. Их жизнь была долгой, размеренной, но каждая деталь подчинялась их правилам.

Чтобы сохранить власть и обучать новые поколения, победители создали Академию – школу и крепость одновременно. Она расположилась в глубине леса, скрытая от глаз обычных людей, сочетая элементы готической архитектуры с современными постройками. Высокие башни и шпили, огромные витражи и внутренние дворы создавали ощущение одновременно величия и строгости.

Академия служила не только для обучения. Здесь проверялась сила, мастерство и послушание учеников, здесь формировалась иерархия будущей власти. Управляли Академией назначенные лидеры – Дейдара, глава оборотней, Виктор, глава вампиров, и Роксана, глава ведьм. Они контролировали жизнь внутри школы и поддерживали порядок, но не были её создателями. Настоящие основатели Академии – высшие вампиры, правящие сверху, чьи решения определяют устройство этого мира. У них есть своя сеть представителей, советников и политиков, но это остаётся в тени.

Именно здесь, среди этих стен и шпилей, формировалась новая система, поддерживавшая порядок и регулирующая судьбы человечества. Академия стала символом власти, инструментом контроля и точкой отсчёта не только для тех, кто хотел понять, что значит жить в мире после войны, но и для тех, кто будет править этим миром в будущем.

Совет Академии

Зал Совета был холодным и почти беззвучным. Высокие окна пропускали рассеянный свет, который не грел. Каменные стены хранили следы власти – здесь редко повышали голос, потому что в этом не было необходимости.

Дейдара стоял, скрестив руки на груди. Его присутствие ощущалось даже в паузах между словами – плотное, давящее, не терпящее возражений.

– Это бессмысленно, – сказал он ровно. – Людям не нужен шанс. Порядок уже установлен. Они на своём месте. Мы – на своём.

Виктор сидел за столом, неподвижный, словно был частью самой комнаты. Он не спешил отвечать, и эта задержка говорила больше, чем любые слова.

– Это не наша инициатива, – произнёс он наконец. Его голос был спокойным, почти равнодушным. – Приказ пришёл сверху. От тех, чьи решения не обсуждаются.

Дейдара усмехнулся, коротко и жёстко.

– Значит, мы должны впустить их сюда? В Академию? – Он сделал паузу. – Нарушить баланс ради иллюзии гуманности?

– Баланс не обязательно нарушать, – ответил Виктор так же спокойно. – Формально мы даём шанс. Фактически – ничего не меняется.

Он не уточнил, но это и не требовалось.

Роксана всё это время молчала. Она расположилась чуть в стороне, будто не участвовала в разговоре, хотя не упускала ни одного слова. Уголки её губ дрогнули – лёгкая, опасная улыбка человека, которому известно больше, чем он собирается сказать.

– Как интересно вы оба говорите о порядке, – произнесла она мягко. – Один боится его потерять. Другой умеет делать вид, что он соблюдается.

Дейдара бросил на неё холодный взгляд.

– Тебя это забавляет?

– Меня забавляет напряжение, – ответила Роксана, склонив голову. – Оно всегда говорит правду. Даже когда вы молчите.

Она чуть подалась вперёд.

– Пусть люди придут, – сказала она. – Академия давно не видела ничего... живого.

В зале снова воцарилась тишина. Решение было принято задолго до того, как его кто-либо произнёс вслух.

Шанс

Комната Харуки была маленькой, почти тесной. Узкая кровать у стены, стол с потёртой поверхностью, лампа с тусклым светом. Окно выходило во двор, где когда-то был сад, а теперь – лишь камень и пепельная земля. Здесь не было ничего лишнего, но и ничего, что можно было бы назвать по-настоящему своим.

Харука сидела за столом, склонившись над тонким листом бумаги. Тест. Всего несколько страниц. Короткий текст, сухие формулировки, ни одного обещания. Лишь одно слово, повторяющееся снова и снова, – шанс.

Она перечитывала строки не в первый раз, будто надеясь найти между ними скрытый смысл. Или предупреждение.

Дверь тихо открылась.

– Харука, – голос матери был усталым. – Ты всё ещё это читаешь?

Мать вошла в комнату, остановилась у порога. Она не подходила ближе – будто боялась потревожить решение, которое уже зрело.

– Тебе не обязательно идти, – сказала она после паузы. – Ты знаешь, что это опасно. Никто не возвращается. Шансы... – она запнулась. – Они почти равны нулю.

Харука не подняла головы.

– Если я не пойду, – сказала она спокойно, – значит, они правы.

Мать нахмурилась.

– Кто – они?

– Все, – ответила Харука. – Те, кто считает, что мы не имеем права даже пытаться.

Она наконец посмотрела на мать. В её взгляде не было вызова – только усталость и твёрдость.

– Мы живём так веками. Мы существуем, но не живём. Если я откажусь сейчас, значит, я соглашаюсь с этим.

Мать медленно выдохнула. Она хотела что-то сказать – остановить, запретить, удержать. Но слов не нашлось.

– Я боюсь за тебя, – тихо произнесла она.

– Я знаю, – ответила Харука. – Но я боюсь остаться здесь ещё больше.

Мать ничего не ответила. Лишь кивнула и закрыла дверь.

Харука снова посмотрела на лист.

Решение уже было принято.

А дом Джули был больше. Просторнее. Теплее. Здесь стены были целыми, мебель – ухоженной, а свет включался без перебоев. В этом мире такой дом считался удачей.

Роскошью – нет.

Привилегией – да.

Джули стояла посреди гостиной с тем же листом в руках. Тест. Шанс. Слова, которые её родители даже не удостоили взглядом.

– Делай что хочешь, – сказала мать, не отрываясь от своих дел. – Это твоя жизнь.

– Главное – не привлекай внимания, – добавил отец. – Нам здесь проблем не нужно.

Их голоса были спокойными. Равнодушными. Будто речь шла не о возможной смерти дочери, а о смене работы.

Джули сжала бумагу в руках.

– Вам правда всё равно? – спросила она.

Мать пожала плечами.

– Мы дали тебе крышу над головой. Этого достаточно.

Джули усмехнулась. Коротко, горько.

Этого всегда было достаточно – служить, доносить, быть полезными тем, кто наверху. За это им позволяли жить лучше других. За это они закрывали глаза. За это они молчали.

Джули развернулась и направилась к выходу.

– Я ухожу, – сказала она.

Никто не остановил её.

Грег жил через несколько домов. Его дверь открылась почти сразу.

– Ты серьёзно? – он смотрел на неё с тревогой. – Ты правда собираешься туда идти?

– Да.

– Джули, это безумие. Ты живёшь лучше, чем большинство. Люди мечтают о такой жизни.

– Я – нет, – резко ответила она. – Я не могу жить, зная, что мои родители продали всё, кроме собственной шкуры.

Грег нахмурился.

– Это не борьба. Это самоубийство.

– А это – жизнь? – спросила она. – Прятаться, молчать, делать вид, что всё нормально?

Он сделал шаг к ней.

– У тебя есть выбор. Останься. Со мной.

Джули замерла.

– Что ты сказал?

– Я люблю тебя, – выпалил он. – И ты не обязана идти туда, где тебя убьют.

Она смотрела на него несколько секунд. Потом медленно покачала головой.

– Ты тоже не понимаешь, – тихо сказала она.

Джули развернулась и вышла.

Улица была серой, несмотря на дневной свет. Развалины, пыль, обломки старого мира.

Никто не смотрел ей вслед. Никто не пытался остановить.

И Джули шла вперёд – туда, где шанс был равен почти нулю.

Но оставаться было ещё хуже.

Академия

Автобус стоял у обочины – тёмный, старый, с потускневшими окнами. На лобовом стекле не было ни знаков, ни обозначений, лишь небольшой символ, который Джули видела впервые. Этого было достаточно, чтобы понять: это он.

Она поднялась по ступеням и замерла на секунду.

Внутри было шумно.

Молодые люди смеялись, переговаривались, кто-то громко строил планы, кто-то спорил о том, как именно выглядит Академия. В голосах звучало возбуждение, ожидание, почти радость – словно их везли не на испытание, а на праздник.

– Говорят, там учат настоящей магии.

– Если повезёт, можно вообще остаться там жить.

– Да брось, это шанс всей жизни!

Джули медленно прошла по проходу, всматриваясь в лица. Они были разными – по возрасту, по одежде, по манере говорить. Но объединяло их одно: они верили. Или хотели верить. Каждый из них вкладывал в слово шанс что-то своё.

Она села на свободное место у окна, достала из кармана старый плеер. Устройство выглядело древним – потёртый корпус, механическая кнопка включения, треснувшее стекло. Таких больше не делали. Такими больше не пользовались.

Внутри хранились всего несколько записей – обрывки музыки, уцелевшие с довоенных времён. Ни связи, ни сети, ни обновлений. Лишь память.

Джули нажала кнопку и позволила тихому шороху старой мелодии заполнить пустоту. Музыка звучала глухо, неровно, будто сама уставшая от этого мира. Она смотрела в окно, отгораживаясь от голосов и смеха, от чужих надежд.

Автобус дёрнулся, но не тронулся.

Через несколько минут двери снова открылись.

Харука поднялась внутрь тихо, почти незаметно. Она окинула взглядом салон, будто оценивая не людей, а пространство между ними. Свободным оставалось только одно место – рядом с Джули.

Она села, не задавая вопросов.

Харука достала из сумки книгу. Старую, с потёртым корешком. Она открыла её, перелистнула несколько страниц, остановилась. Потом снова перелистнула. Джули заметила это не сразу, но чем дольше смотрела, тем яснее понимала: Харука не читала.

Её пальцы касались страниц машинально. Взгляд скользил, не задерживаясь. Книга была лишь занятием для рук. Щитом. Способом не думать – или, наоборот, не показывать, что она думает слишком много.

Джули чуть повернула голову.

– Интересная? – спросила она, убирая плеер в сторону.

Харука подняла взгляд. На секунду в её глазах мелькнуло удивление, будто она не ожидала, что с ней заговорят.

– Не очень, – честно ответила она и закрыла книгу. – Просто... привычка.

Джули усмехнулась.

– Понимаю.

Несколько секунд они сидели молча. Смех в салоне становился громче. Кто-то обсуждал, какие способности у кого могут проявиться. Кто-то спорил, кто станет сильнее – вампиры или оборотни.

– Ты тоже думаешь, что это развлечение? – вдруг спросила Джули.

Харука посмотрела вперёд.

– Нет, – сказала она после паузы. – Я думаю, что это ловушка.

Джули тихо выдохнула.

Почему-то именно этот ответ показался ей правильным.

– Тогда зачем ты здесь? – спросила она.

Харука повернулась к ней.

– Потому что другого пути нет.

Джули кивнула.

– Да. Именно. Кстати я Джули.

– Харука.

Они посмотрели друг на друга уже внимательнее. Без улыбок. Без лишних слов. В этом коротком обмене было больше понимания, чем во всех громких разговорах вокруг.

Автобус наконец тронулся.

За окном мелькали серые улицы, развалины, остатки мира, в котором они выросли. Впереди был лес. Горы. Академия, о которой они слышали только шёпотом.

Две незнакомки сидели рядом, не зная, кем станут друг для друга.

Но обе уже сделали выбор.

И дороги назад не было.

Автобус шёл долго.

Серые улицы сменялись редкими строениями, затем – пустотами. Чем дальше они отъезжали от человеческих кварталов, тем реже становились огни, тем тише – дорога. В какой-то момент Джули поймала себя на мысли, что не может вспомнить, когда в последний раз видела другой транспорт.

За рулём всё это время сидел человек. Обычный. Средних лет, в тёмной куртке, с усталым лицом. Он не разговаривал с пассажирами, не оборачивался, просто вёл автобус – механически, будто выполнял заученное движение. Его присутствие успокаивало. Подсознательно. Пока он был здесь, это всё ещё казалось чем-то... человеческим.

Автобус замедлился.

Пейзаж за окном изменился почти незаметно. Дорога стала уже, темнее. Джули посмотрела по сторонам – и нахмурилась.

– Мы приехали? – тихо спросила она, наклонившись к Харуке. – Я ничего не вижу.

Харука медленно огляделась. За окнами тянулись деревья, плотные, высокие, словно сдвинутые слишком близко к дороге.

– Не думаю, – ответила она спокойно и пожала плечами. – Слишком... пусто.

Автобус остановился окончательно.

Двигатель ещё работал, но внутри вдруг стало напряжённо тихо – будто все одновременно поняли, что этот момент важен, даже если не могли объяснить почему.

Водитель встал.

Он не обернулся, не сказал ни слова. Просто прошёл к дверям, открыл их и вышел наружу. Когда он проходил мимо первых рядов, Джули заметила, как напряжены его плечи. Как быстро он идёт. Как будто боялся задержаться хоть на секунду дольше.

Двери закрылись. Прошло несколько секунд. Затем они снова открылись. В автобус вошёл другой.

Он был выше. Шире в плечах. Его движения были собранными, хищными, словно каждое из них имело скрытую цель. На левом глазу тянулся грубый, уродливый шрам, пересекающий бровь и скулу. В зубах он держал что-то – то ли зубочистку, то ли тонкую деревянную палочку, – и лениво перекачивал её из стороны в сторону.

Он остановился у входа. Медленно осмотрел салон.

Людей.

Его взгляд был тяжёлым. Не оценивающим – изучающим. Как смотрят не на равных, а на что-то заведомо слабее. Его губы дёрнулись в усмешке.

Шум в автобусе умер мгновенно.

Все разговоры, смех, возбуждённые голоса – всё исчезло, будто их проглотила тьма. Даже те, кто ещё минуту назад говорил громче всех, теперь сидели неподвижно, не поднимая глаз.

Оборотень заметил это.

И, кажется, это его позабавило.

Он усмехнулся шире, прошёл к водительскому месту и сел за руль. Его рука легла на руль уверенно, почти интимно – как будто этот автобус принадлежал ему с самого начала.

Двери закрылись.

Автобус тронулся.

Теперь ехали иначе.

Воздух стал плотнее. Тяжелее. Аура оборотня ощущалась физически – давила, сжимала, заставляла держать спину прямо и не делать лишних движений. Это больше не было похоже на поездку. Это было сопровождение.

Джули медленно выдохнула и посмотрела на Харуку.

Та смотрела прямо перед собой. Спокойно. Собранно. Ни страха, ни удивления – только подтверждение.

Их взгляды встретились на мгновение.

Без слов.

Они были правы.

Это не было развлечением.

Это не был шанс из доброй воли.

Это была дорога туда, откуда возвращаются другими – если возвращаются вообще.

Джули сжала пальцы, подавляя импульс задать десяток вопросов сразу. Внутри всё требовало движения, реакции, ответа. Но она молчала.

Впервые.

Автобус уходил всё глубже в лес.

И мир, который они знали, оставался позади.

Автобус замедлился, когда деревья начали редеть.

Сначала между стволами проступили тени – неровные, угловатые. Затем металл. Камень. Острые линии, не предназначенные для человеческого взгляда. И наконец – она.

Академия.

Она не возникла внезапно – она нависала. Огромная, тяжёлая, словно вросшая в землю. В ней смешались эпохи и стили: готические шпили поднимались рядом с гладкими современными конструкциями, стекло вращалось в камень, будто кто-то собрал здание из обломков разных миров и назвал это порядком.

Она не была красивой.

Она была правильной – в пугающем, безжалостном смысле.

В салоне стало тихо.

Кто-то невольно подался вперёд, кто-то наоборот вжался в сиденье. Лица менялись – восторг, который ещё недавно жил в глазах, уступал место напряжению, осторожности, страху. Иллюзии рассыпались без звука.

Это не был сказочный замок.

Не место из книг или фильмов.

Не мир, где тьма красиво подсвечена.

Это было здание, построенное победителями.

Автобус продолжал движение, но он не направлялся к парадному входу. Не к высоким воротам, не к освещённым подъездным путям. Он огибал Академию, уходя глубже, туда, где не ждали гостей.

Задний двор.

Здесь не было величия – только функция. Каменные стены, высокие ограждения, узкие проходы. Всё выглядело так, будто это место не предназначалось для взглядов. Сюда не приходили добровольно. Сюда доставляли.

Некоторые из пассажиров переглядывались.

Кто-то нервно усмехнулся, словно пытаясь вернуть прежнее настроение.

Кто-то молчал, впервые осознавая, что назад дороги может не быть.

Оборотень за рулём даже не обернулся. Он знал, что происходит в салоне. Чувствовал это. И его это устраивало.

Автобус остановился.

Двигатель заглох.

И в этой тишине стало окончательно ясно:

всё, что было до этого – разговоры, надежды, фантазии – осталось по ту сторону леса.

Теперь начиналось другое.

Автобус въехал на территорию Академии.

Пассажиры уже не сидели прямо – кто-то сжался в сиденье, кто-то опустил голову. Все казались поражёнными, будто остановился весь привычный ритм их мышления. Они не знали, чего ожидать.

Двор был огромным. Чёрный асфальт, обветшалые ограждения, высокие стены зданий, в которых угадывались готические шпили, современный бетон и стекло, переливающееся в сером свете.

Автобус остановился. Двери открылись, и пассажиры медленно начали выходить. Люди почти не говорили – шаги отдавались гулким эхом по пустынному двору. Кто-то оглядывался назад, будто надеясь, что ещё не поздно развернуться.

В этот момент водитель, тот самый оборотень, впервые заговорил. Его голос был низким, с металлической ноткой, словно эхо через пустую камеру.

– Добро пожаловать, – сказал он. – Это вам не развлечение.

Слова прозвучали одновременно как предупреждение и как приказ. Внутри пассажиров что-то сжалось. Атмосфера, плотная и давящая, накрыла их всех.

Харука и Джули медленно шли рядом с остальными. Они всматривались вокруг, фиксируя каждую деталь: разрушенные стены, высокие шпили, пустые окна, сквозь которые проникал серый свет. Всё это усиливало ощущение беспомощности. Их цель, о которой они думали так долго, теперь казалась маленькой и хрупкой – пылинкой перед этим миром.

Они понимали впервые, на интуитивном уровне, почему человечество проиграло. Почему люди так долго жили под гнётом этих существ, не имея права на равенство. Но даже при всём этом они старались удержаться за последнюю надежду. За цель. За шанс, ради которого они сюда пришли.

Их шаги отдавались в тишине. Каждое движение казалось невероятно важным, потому что назад дороги уже не было.

Впереди, на середине площадки, стояли лидеры. Виктор – бледное лицо, неподвижное, излучающее холодный контроль. Дейдара – массивная фигура, плечи расправлены, взгляд строгий, почти угрожающий. Роксана – с лёгкой, но колкой улыбкой, глаза острые, оценивающие.

– Добро пожаловать, – сказал Виктор ровно, приветствуя всех. Его голос не был громким, но казался командным.

Дейдара сделал шаг вперёд:

– Помните: это не игра. Любое нарушение порядка будет наказано.

Роксана, сдерживая улыбку, произнесла тихо, но с явным подтекстом:

– У вас есть шанс. Кто хочет – может вернуться. Пока двери не закрылись.

Несколько прибывших в порыве страха попытались рвануть к воротам, но они уже закрылись с глухим ударом.

Роксана громко захохотала. Смех её был звонким, искажающим пространство вокруг, словно насмешка сама по себе стала оружием. Виктор смотрел на это сдержанно, не проявляя эмоций. Смех внезапно оборвался, но лёгкая улыбка Роксаны осталась на лице, оставляя ощущение, что она лишь играла с их страхом.

Прибывшие замерли, глаза бегали по лидерам, по двору. Никто не знал, что делать, будто всё уже началось, а они только осознавали масштабы происходящего.

– Тест начнётся ночью, – произнёс Дейдара. – Сейчас у вас есть время подготовиться.

Тест

Вечер уже опускался на двор, и через пару часов испытание должно было начаться. Девушки окинули взглядом пространство вокруг. Их внимание привлёк водитель-оборотень, который привёз их сюда. Он стоял неподалёку, внимательно изучая прибывших, затем развернулся и ушёл в сторону, оставляя их на территории Академии.

Им было дано всего час. Час, чтобы осознать, что происходит, чтобы подготовиться, чтобы держаться вместе – но никто не говорил, что именно им предстоит делать. Спросить было страшно.

Джули и Харука стояли рядом, молча наблюдая за двором и его обитателями.

– Час... – прошептала Джули. – Час, чтобы понять, что нас ждёт.

– Нам нужно держаться вместе, – ответила Харука тихо. – И быть готовыми.

Они молча обменялись взглядами. Возможно, скоро придётся прощаться с прошлым, возможно, с чем-то большим, чем они могли представить. Но сейчас им оставалось лишь ждать.

Через одно из высоких окон Академии, с видом на двор, стояли два человека – братья-близнецы. Они наблюдали за прибывшими, словно отстранённо, но с вниманием, которое выдавало знание происходящего.

– Эта проблема нам сейчас ни к чему, – тихо сказал один, в голосе слышалась резкость и раздражение.

– Это сделано намеренно, – спокойно ответил другой, не отрывая взгляда от двора. – Те, кто сидят выше, уже понимают: удержать это нельзя. Восстание неизбежно.

Первый коротко вздохнул, явно недовольный ситуацией.

– Всё же... это осложняет планы.

– Только если позволить, – сказал второй. – Но мы можем использовать это себе на пользу, если кто-то выживет.

Они ещё несколько мгновений молча наблюдали за происходящим. Их лица оставались непроницаемыми, но в каждом взгляде ощущалась уверенность и понимание: они знают больше, чем остальные, и понимают, что ждёт всех впереди.

Ночь опустилась на Академию, окутывая её тьмой и тишиной, нарушаемой лишь редкими звуками ночных существ. С наступлением темноты пришло то, ради чего все собрались – момент, когда проверялась смелость, ловкость и воля каждого новичка. Один из старших учителей, высокий и строгий, которому доверили проводить тест, поднялся на подиум и ровным, холодным голосом объявил:

– Тест начинается.

Сразу же раздались крики, стук, скрипы и шорохи, словно сама Академия оживила, превратившись в живой кошмар. Никто не видел, как именно всё происходит – для наблюдающих это была лишь тень событий, но для тех, кто проходил тест, мир сжимался до размеров

их страха. Казалось, что они одни, и только друг друга можно было поддерживать. Харука и Джули держались вместе, обмениваясь взглядами, пытаясь сохранять спокойствие, даже когда вокруг раздавались крики и смех, наполненные издевательством.

Страх давил с каждой минутой. Каждое движение могло стоить жизни. Обрывки теней, бежавших сил, странные силуэты, появлявшиеся и исчезающие, – всё это тянуло нерв за нервом, проверяя решимость новичков. Казалось, что выжить невозможно, и многие действительно не справлялись. Но среди хаоса для Джули и Харуки ощущалась какая-то невидимая поддержка, едва уловимая, словно скрытая рука, помогавшая им остаться живыми, сохранять равновесие и двигаться дальше. Это была сила, которую никто не видел и о которой никто не догадывался.

Час за часом ночь медленно угасала, и в предрассветной тьме закончился тест.

Утреннее собрание

Наступило утро в Академии, и бледный свет растекался по высоким шпилям и затенённым дворикам. Студенты собрались в большом зале, заполняя его тревожным шумом, не понимая, зачем их созвали. Такие собрания случались часто, и, казалось бы, это не новость, но сегодня в воздухе чувствовалось необычное напряжение.

Впереди стояли Виктор, Дейдара и Роксана – на своих привычных местах, олицетворяя власть и контроль. Их взгляды скользнули по собравшимся, ожидая привычной реакции. Позади них шагнул в центр учитель, который проводил ночное испытание. Его походка была уверенной, и вся толпа сразу стихла, ощущая его авторитет.

– Прошлой ночью, – начал он, голос его разнесся по всему залу – был проведён тест. Тест, который был создан, чтобы дать людям шанс.

Среди студентов раздались шёпоты и недоверчивые обсуждения. Кто-то слышал слухи, кто-то ничего не знал. Одни сомневались, думая, что это ловушка, проверка их реакций.

И тогда он произнёс слова, которые повергли всех в молчаливый шок:

– И трое выжили.

На мгновение зал будто застыл. Брови Виктора нахмурились. Массивная фигура Дейдары напряглась. Глаза Роксаны блеснули смесью удивления и лёгкой насмешки. Они были уверены: никто не сможет пережить это испытание. Но три человека выжили.

Шёпоты и тихие разговоры разнеслись по залу. Одни пытались понять, слышали ли они о тесте раньше. Другие считали, что это хитрая проверка – тест внутри теста. Волнение росло, и зал наполнился смесью удивления, сомнения и тревоги.

В тот момент стало ясно: невозможное стало реальностью. Три человека пережили ночь, созданную, чтобы сломить их. И теперь все взгляды направились внутрь себя – пытались понять, как это могло произойти.

Они вышли после испытания молча, но зал говорил за них. Харука и Джули держались на ногах – не потому что им было легко, а потому что падать уже не было права. Тест прошёл через них как огонь через металл: выжиг лишнее, но закалил то, что осталось. Шаги звучали ровно, но дыхание выдавало глубину пережитого – незаметную для толпы, но очевидную для тех, кто умел слушать тишину.

А вот третий...

Незнакомый парень шёл так, словно для него всё было игрой, а не приговором. Лёгкая улыбка не сходила с его губ, взгляд был светлым и дерзким, шаг – уверенным, почти танцующим по полу, которого он будто и не замечал. Он двигался не как тот, кто выжил, а как тот, кто и не сомневался в себе с самого начала.

Учитель-вампир рядом с ними сохранял каменное выражение, но раздражение остальных преподавателей было заметнее, чем вчерашний гром. Их недовольство не взрывалось – оно резало тишиной, неприятием перемен, которые теперь уже не остановить.

Троица приближалась к центру зала: двое – прошедшие через страх, третий – прошедший через себя. И все, кто наблюдал, понимали одно: испытание закончилось, но история только сменила облик.

Учитель сделал шаг назад, передав лист Роксане. Она подошла к выжившим, оценивая их взглядом. Её хитрая, зловещая улыбка пробежала по залу, словно лёгкий холодный ветер. Первыми назвала Джули Кемис, затем Харука Чан – каждое имя прозвучало как приговор и одновременно как вызов. В зале слышались шёпоты, смешки и недовольство – «новые игрушки» появились для наблюдения.

Когда Роксана повернулась к парню, его улыбка исчезла. Его тело словно обессилело, глаза потемнели, а душа казалась покидающей его. Он рухнул на землю прямо перед Роксаной. Та успела шагнуть в сторону, чтобы он не упал на неё, и лишь лёгкая усмешка на её лице выдавала, что всё это было ожидаемо. Джули и Харука стояли, парализованные страхом, не в силах подойти к нему. Их сердца сжимались, а разум пытался понять, что произошло.

Дейдара, наблюдая за волнением студентов, вышел вперёд. Его голос был холодным и точным: —Решение принято не нами. Приказ был выше любого из нас. Их путь начался с испытания, которое они прошли, и теперь им дан шанс. Не награда и не развлечение – право продолжать. Они остаются. Чтобы жить среди вас, учиться рядом с вами и однажды стать сильнее, чем были вчера. В этой Академии растут не легенды, а будущее. И теперь они – его часть.

Студенты переглянулись, задаваясь вопросами о предстоящих уроках и о том, что ждёт этих двоих. Дейдара лишь добавил:

–Они выжили, но каким образом – это ещё вопрос времени.

В этот момент двери распахнулись, и вошли братья-близнецы. Их аура ощущалась сразу – сила, уверенность, контроль над пространством. Вампиры выпрямили спину, демонстрируя, что не боятся.оборотни, видя своих Альф, собрались в плотную группу, внимательные и готовые к действиям. Ведьмы остались в стороне, спокойно наблюдая, не вмешиваясь в эту напряжённую игру сил.

Тишина охватила зал. Все взгляды были устремлены на новых игроков, на тех, кто только что пережил невозможное, и на тех, кто вошёл, чтобы следить за этим миром с позиции силы.

После появления братьев Теренсов пространство будто изменилось.

Даже когда первый всплеск реакции со стороны студентов схлынул, напряжение не ушло – оно лишь стало плотнее, гуще.

Харука и Джули всё ещё стояли рядом. Они держались на ногах, но было видно: ночь не отпустила их до конца. Взгляды оставались настороженными, движения – чуть запоздалыми, словно тело уже здесь, а сознание ещё догоняет.

Братья подошли к ним без спешки.

Один из них – высокий, собранный – остановился на полшага позади. Он не говорил. Просто смотрел. Его взгляд был холодным и внимательным, будто он не оценивал людей, а просчитывал возможные ходы. В нём не было ни любопытства, ни презрения – лишь расчёт. Он наблюдал, запоминал, откладывал выводы на потом.

Второй действовал иначе.

Он шагнул вперёд – резко, почти вызывающе – и остановился прямо перед Харукой. Его движения были живыми, нервными, в них чувствовалась нетерпеливость, желание ускорить происходящее, вытолкнуть ситуацию из равновесия.

– Вы правда думаете, – произнёс он, достаточно громко, чтобы слышали все, – что раз вы выжили, вам теперь здесь дадут покой?Что все вокруг начнут вас жалеть или бояться?

Вопрос прозвучал не как интерес, а как насмешка. Как проверка.

Толпа замерла. Виктор, Дейдара и Роксана наблюдали молча.

Харука подняла взгляд. Она не отступила и не отвернулась. В её голосе не было вызова – только спокойная твёрдость.

– Мы не рассчитываем на жалость, – спокойно ответила она. – И бояться нас не стоит. Мы здесь, чтобы идти дальше.

Этого оказалось достаточно.

Джули мгновенно сделала шаг вперёд, словно инстинктивно закрывая подругу собой.

– А если вам так интересно, – добавила она резко, – то мы не просили этого шанса. Но и отказываться от него не собираемся.

Братья переглянулись.

Между ними промелькнула короткая улыбка – одинаковая и в то же время разная по смыслу.

– Выжившие, – протянул эмоциональный брат с лёгкой усмешкой. – думаете, что теперь земля к вашим ногам? Что всё стало проще?

– Он никогда никому ничего не был должен, – отозвался второй, всё ещё не отрывая взгляда от девушек.

В этот момент Виктор сделал шаг вперёд.

– Здесь не место демонстрации сил, Тоби, – произнёс он ровно, глядя прямо на него. – Не сейчас.

Тот усмехнулся, не скрывая удовольствия.

– А их и не нужно демонстрировать, – ответил он. – Вы же сами чувствуете.

В зале прошла едва уловимая волна.

Кто-то напрягся. Кто-то инстинктивно выпрямился.

Дейдара вмешался прежде, чем напряжение переросло во что-то большее.

– Достаточно, – сказал он жёстко. – Сейчас не время.

Близнецы отступили на шаг и остановились в стороне – легко, почти небрежно. Но в этом жесте не было подчинения. Скорее, напоминание: они здесь не просто как студенты.

Даже Виктор это почувствовал.

Он сохранял внешнее спокойствие, держал лицо, словно перед ним действительно стояли всего лишь дерзкие студенты. Но в его взгляде, в том, как он напряг плечи и начал говорить чуть суше, было видно: присутствие Теренсов влияет на него. И он это осознаёт. И ему это не нравится.

А Харука и Джули остались стоять на прежнем месте, впервые ясно понимая: испытание не закончилось.

Оно просто перешло в другую форму.

Предостережение

Дейдара стоял у массивного окна своего кабинета. Высокие стёкла открывали вид на ночной двор Академии и тёмный лес за его пределами. Лунный свет играл на старых камнях, разбрасывая тени, которые казались живыми. Он молча наблюдал за двором, за слабым мерцанием огней, словно читая невидимые движения в темноте. Ночь была спокойной, но внутри кабинета ощущалась скрытая напряжённость, как перед грозой.

Когда он наконец повернулся, перед ним стояли Тоби и Джаспер. Близнецы держались прямо, плечи расправлены, лица непроницаемы. Они признавали его авторитет, но одновременно давали понять: их терпение не безгранично. Их глаза были внимательны, остры, каждый жест выверен.

– Вы понимаете, – начал Дейдара ровно, медленно, не спеша подходя ближе к центру комнаты, – что во время ночного испытания никто не должен был выжить. Никто. И тем не менее, я почувствовал присутствие посторонней силы. Чьё-то вмешательство... кто-то держал их на грани.

Тоби слегка ухмыльнулся, не скрывая лёгкой иронии, но в его глазах горела искра.

– Интересная интерпретация, – сказал он мягко, почти шёпотом, – хотя, возможно, всё совсем иначе. Трудно понять, что было задумано и кем.

Джаспер оставался неподвижен, холоден и собран. Его глаза скользили по Дейдаре, оценивая каждое движение, каждое слово.

– Вы ищете виновных, – сказал он спокойно, сдержанно, – но их может и не быть. Может быть, вы видите там, где ничего нет.

Дейдара нахмурился, чувствуя, как его внутреннее напряжение нарастает. Он сделал шаг ближе, стараясь показать серьёзность ситуации, но при этом держал себя сдержанно: каждая эмоция была контролируема.

– Вы должны понимать, – сказал он с холодной твердостью, – что прежде чем думать о себе, вы должны думать обо мне. Все ваши игры отражаются на мне. Все ваши действия... они возвращаются ко мне. И я должен отвечать.

Тоби слегка наклонил голову, взгляд скользнул по кабинету, затем вернулся к Дейдаре.

– А ваша репутация, – произнёс он мягко, почти как замечание, – важна лишь для тех, кто в неё верит. Возможно, для нас она не имеет значения.

Джаспер кивнул, его тон был спокойным, холодным:

– Согласен. Не всё измеряется вниманием к себе. Иногда важнее, что делаешь, а не как это отражается на других.

Дейдара напряг плечи, почувствовал, что его слова были поняты, но не приняли буквально. Он не сказал прямо «это вы сделали», но близнецы понимали, что именно они в его мыслях. Их ответы были аккуратными, скрытными, с оттенком иронии: ни подтверждения, ни отрицания. Игры разума.

– Вы должны помнить, – продолжал Дейдара, сжимая кулаки, но не показывая этого, – что любые ваши действия будут иметь последствия. Каждый жест, каждая ошибка – я чувствую это.

Тоби усмехнулся, чуть двинув плечом, с лёгкой дерзостью:

– Мы понимаем. Но, может быть, иногда последствия – это просто часть пути.

– Путь, – согласился Джаспер тихо, – не всегда зависит от чьих-то правил.

Дейдара сделал шаг назад, осматривая их. Он отпустил их, но в голосе ощущалось предупреждение: каждое движение будет под его наблюдением.

– Я буду следить за вами, – сказал он ровно. – Каждое ваше действие. Не забывайте.

Близнецы кивнули и отошли в сторону, оставляя ощущение скрытой угрозы. Их аура оставалась ощутимой даже для Дейдары, оставляя чувство, что они не просто ученики, а игроки собственной силы. В этом тихом напряжении чувствовалась готовность к будущему, к войне, которая ещё не началась, но уже ощущалась в воздухе.

Наблюдатель в тени

Студенты медленно двигались по длинному коридору Академии. Освещённый тусклым светом ламп, он казался длиннее обычного – тени от сводов и арок растягивались, делая пространство ещё более угрожающим. Харука и Джули шли вместе, книги сжаты в руках, каждая строчка текста напоминала им о том, что они – новички, «люди», которых большинство уже заранее причислило к низшему уровню.

– Осторожно, людишки, – слышался тихий смешок сзади. Кто-то толкнул Харуку за плечо. Книги вылетели из её рук и рассыпались по полу. Джули мгновенно бросилась вперёд, пытаясь защитить подругу, хотя сама ещё не до конца понимала, что делать. Её сердце колотилось, ладони были липкими от страха.

– Джули, не надо, – спокойно сказала Харука, схватив её за руку. В её взгляде не было паники. Только тихая просьба: —Не трать на них свои нервы.

Мимо них прошёл случайный учитель. Он не остановился, не взглянул внимательно. Лишь одно слово:

– Все в классы.

Студенты снова зашумели, кто-то ещё толкнул их плечом, кто-то хихикнул. Лёгкая ирония, едва заметный буллинг – и всё это играло с их терпением.

На самом деле за всем этим наблюдали близнецы, Тоби и Джаспер, которые недавно были у Дейдары. Их взгляды были спокойны, почти безмятежны.

– Забавно, не правда ли? – тихо сказал один.

– Немного неприятно, – ответил второй. – Они слабые. И всё же ещё живы.

Они молча следили за происходящим, понимая, что эти маленькие сцены лишь подтверждают их оценку новичков – хрупкие, неприкаемые, но уже на пути, который изменит их жизнь.

Студенты медленно расселись по огромному классу, который казался почти безграничным. Множество учеников уже заняли свои места, переплетаясь взглядами и шепотом. Харуку и Джули усадили прямо посередине, словно специально, так чтобы все руки, шепоты и взгляды были направлены на них.

Не прошло и минуты, как кто-то метнул бумажку – первая из множества. Потом ещё одна, потом несколько. Бумажки падали на столы, цеплялись за волосы, касались рук девушек. Харука спокойно собирала их и откладывала в сторону. Джули напрягалась, сжимая кулаки, стараясь не реагировать на каждый выпад.

Учитель вошёл в класс без лишнего шума. Он разложил свои вещи на столе, расставил книги, проверил принадлежности, словно готовился к ритуалу. Не поднял головы на девушек, не сделал замечаний – всё вокруг происходило, а он оставался спокойным, занятым своими делами.

Тоби и Джаспер находились в классе. Они сидели на некотором расстоянии от Харуки и Джули – достаточно близко, чтобы видеть всё, и достаточно далеко, чтобы не быть частью происходящего.

Тоби выглядел безразличным, откинувшись на спинку стула, и происходящее его совсем не касалось.

А вот Джаспер наблюдал внимательно. Его взгляд скользил по классу, задерживался на девушках, отмечая каждую реакцию, каждую попытку сохранить самообладание. Это был взгляд не зрителя – аналитика.

Когда учитель закончил подготовку, он сразу перешёл к делу.

– Харука, – произнёс он, не повышая голоса, но так, что в классе стало тише. – Скажите, каково это – быть человеком среди тех, кто рождён сильнее?

Вопрос прозвучал не как интерес, а как проверка.

По классу прокатилась волна смешков. Кто-то обернулся, кто-то усмехнулся открыто.

Харука подняла взгляд. Она не дрогнула. Ответ прозвучал спокойно – ровно настолько, чтобы задеть.

– Это значит постоянно держать равновесие, – сказала она. – И помнить, что сила – не всегда в природе.

Несколько студентов рядом усмехнулись громче.

– Возомнила себя особенной...

– Думает, умнее всех...

– Да мы с тобой разберёмся за минуту...

Учитель всё это слышал. Он поднял руку.

– Тишина, – сказал он сухо. И на этом его вмешательство закончилось.

Урок продолжался, и после окончания колкие реплики не прекратились. Джули сорвалась с места, резкая, эмоциональная, готовая дать ответ каждому насмешнику. Но Харука мягко схватила её за руку:

– Давай, выйдем. Пойдём.

Они оставили шумный класс позади и направились к коридору, где ожидал их следующий шаг.

Когда Харука и Джули вышли из класса, напряжение не рассеялось сразу – оно просто сменило форму.

Студенты начали расходиться постепенно. Кто-то поднялся сразу, кто-то задержался, переговариваясь вполголоса. Класс пустел медленно, неохотно. В итоге внутри осталось лишь несколько фигур – вампиры и ведьмы, сбившиеся в отдельные группы, бурно что-то обсуждающие между собой.

Тоби и Джаспер всё ещё были там.

Тоби первым поднялся со своего места. Он на секунду задержался, бросив короткий взгляд на брата. Этого было достаточно. Джаспер не посмотрел в ответ – лишь едва заметно изменил позу, словно подтверждая: у него другие планы.

Тоби понял.

Между ними не требовалось слов. Никогда.

Он развернулся и вышел из класса, не оглядываясь.

Оставшиеся студенты проследили за ним взглядами – и сделали ошибочный вывод. Решили, что оба близнеца ушли. Джаспер же всё это время оставался на месте: тихий, почти незаметный, растворённый в тени задних рядов. Он не привлекал внимания. И именно поэтому его не заметили.

Разговоры стали громче.

– Эта Джули, или как там звать ее, слишком дерзкая, – сказал кто-то с усмешкой.

– Видела, как она смотрела? – подхватила ведьма. – До последнего не опустила взгляд.

– В отличие от второй, – добавил вампир. – Та хотя бы понимает, где её место.

Они засмеялись.

– Надо её приструнить, – произнесли уже без шутки. – Чтобы поняла.

– Поставим метку, – предложил кто-то. – Не смертельную. Пусть выматывает изнутри.

Медленно.

– Пока не начнёт прятать глаза, – с ухмылкой уточнили. – Тогда и снимем. Воспитание, не больше.

Смех снова прокатился по классу – самодовольный, уверенный, без тени сомнений.

И только потом один из них заметил движение.

Тишина пришла резко.

Джаспер всё это время сидел там же.

Он не вмешивался. Не прерывал. Не менял выражения лица. В его руке медленно вращался небольшой медальон – металл тускло поблёскивал в свете. На его поверхности, с двух сторон, были выгравированы два одинаковых символа. Братья-близнецы. Оборотни.

Осознание накрыло их мгновенно.

Смех оборвался. Взгляды отвели. Кто-то резко поднялся, кто-то слишком поспешно начал собирать вещи. Никто не сказал ни слова.

Они быстро покинули кабинет, избегая встречаться с ним взглядом.

Когда дверь закрылась, Джаспер остался один.

Он ещё несколько секунд сидел неподвижно, словно закрепляя в памяти услышанное. Все голоса. Все лица. Все интонации.

Затем он медленно, лениво поднялся. Медальон исчез в его ладони.

Джаспер вышел из класса так же тихо, как и собирался действовать дальше.

Несколько занятий подряд группа вампиров и ведьм вела себя тише обычного – наблюдала, выжидала. Они видели Джаспера в коридорах, ощущали его присутствие, но он не делал ничего. Не вмешивался. Не смотрел в их сторону дольше, чем на секунду.

И это их успокаивало.

– Видите? – усмехнулся один из вампиров. – Ему нет до неё дела. Обычная человеческая девчонка.

– Если бы она была важна, он бы уже вмешался, – добавила ведьма, закрывая книгу. – Значит, можем продолжать.

Сомнения рассеялись.

Они не пошли на следующий урок – свернули в сторону, туда, где находились кабинеты для закрытых практик. Неофициальный клуб, где собирались те, кто предпочитал решать вопросы без свидетелей.

Комната приняла их молча.

Стол в центре, приглушённый свет, знакомые символы. Всё было привычно. Подконтрольно.

– Метка будет слабой, – сказала одна из ведьм, расчерчивая поверхность. – Не физическая. Пусть ломает изнутри. Глаза опустит – тогда и снимем.

Они улыбались. Спокойно. Уверенно.

И именно в этот момент что-то пошло не так.

Сначала – лёгкое головокружение. Потом – странная пустота, словно изнутри кто-то начал медленно вытягивать не силу, а опору. Мысли стали расплываться, слова – терять смысл.

– Стоп... – нахмурился один из вампиров. – Это не наш контур.

Ощущение усиливалось.

То истощение, которое они собирались навесить на Джули, возвращалось к ним – и гораздо глубже. Без знаков. Без жестов. Без возможности закрыться.

Ведьмы побледнели первыми.

– Это не мы, – прошептала одна. – Я... я ничего не читаю.

Они обернулись почти одновременно.

У стены стоял Джаспер.

Спокойный. Неподвижный. Его присутствие ощущалось, но он не делал ничего. Не приближался. Не угрожал. Просто смотрел – так, словно всё происходящее он уже принял к сведению.

И только потом, с полшага за его спиной, словно выходя из тени, появилась она. Сакура.

Никакой демонстрации силы. Никаких слов. Но ведьмы узнали её сразу.

Одна из сильнейших среди студентов-ведьм. Та, с кем не спорят. Та, к кому не лезут. Не потому что боятся – а потому что знают. И потому что за ней стоят Теренсы.

– Это... – голос одного из вампиров сорвался. – Это она.

Сакура смотрела спокойно. Сосредоточенно. Как на нечто, что уже решено.

Истощение усилилось ещё на мгновение – не резко, а точно. Как напоминание.

– Мы больше не будем, – заговорили они почти одновременно. – Клянёмся. Ни Джули. Ни её подругу. Никогда.

Слова сыпались поспешно, сбивчиво. Они цеплялись за обещания, за клятвы, за любой шанс остановить происходящее.

Джаспер молчал. Потом чуть повернул голову. Этого было достаточно.

Сакура медленно выдохнула. Давление начало отступать – не исчезать полностью, а ослабевать, оставляя внутри неприятный след, будто напоминание о том, что случилось.

Она развернулась и направилась к выходу, не глядя на них.

– Я думаю вы всё поняли, – сказала она тихо.

Силы постепенно возвращались, но ощущение пустоты не уходило. Что-то внутри было надломлено – не телом, а осознанием.

Джаспер задержался на пороге.

– Если вы ещё раз решите продолжить, – сказал он спокойно, – в следующий раз никто не будет так терпелив.

Он вышел. Дверь закрылась за ними. Они остались одни.

А в комнате ещё долго никто не решался говорить.

Прошло несколько дней, и о возмездии узнала вся академия. Когда холл Академии был заполнен студенческим шумом, но в воздухе висела тихая напряжённость. От лестницы вверх, где располагался внутренний балкон – площадка для наблюдения, стояли два брата Теренсов. Они держались немного в стороне, но каждый взгляд их глаз был точно направлен на происходящее ниже.

В толпе среди студентов стояли трое вампиров и две ведьмы, те, кого недавно наказали Джаспер и Сакура. Их лица изменились: глаза потускнели, движения стали сдержанными, руки чуть дрожали. Внутренне они ощущали истощение, словно кто-то невидимый держал их под контролем годами. Заклинания Сакуры сделали своё дело.

Все пятеро замерли, подняли глаза и заметили братьев Теренс на балконе. Их взгляды замерли, они вспомнили еще раз, что теперь Джули трогать им запрещено.

В этот момент Виктор проходил мимо. Его взгляд останавливался на каждом движении, на каждом изменении выражений лиц. Дейдара и Роксана шли рядом. Они тоже заметили изменения в студентах.

Виктор поднял голову и встретился глазами с братьями Теренс. Тоби, облокотившись на перила, нагло смотрел на Виктора и язвительно улыбался, словно подтверждая догадку без единого слова. Джаспер стоял чуть в стороне, спокойный и невозмутимый, но через его ледяной контроль ощущалось тихое, уверенное удовлетворение – это его дело.

Виктор на миг понял, что эти двое – настоящие кукловоды Академии. Те самые студенты, о которых он пытался убедить себя, что это просто ученики. Его взгляд сжался, он переглянулся с Дейдарой. И Дейдара почувствовал раздражение Виктора, понимание того, что ему это крайне не по душе.

Виктор отошёл, следом за ним двинулись Дейдара и Роксана. Близнецы тихо переглянулись, и Тоби бросил едкую реплику:

– Да уж, Виктору управлять Академией явно не по зубам.

Джаспер лишь слегка улыбнулся. Дейдара, заметив это, жестом указал им уйти с балкона. Они выпрямились, подчинились и отошли.

После того как холл очистился, Дейдара направился следом за Виктором. А Роксана ушла совершенно в другом направлении.

Через несколько минут по холлу шли Харука и Джули. Они уже были готовы к очередной волне издевательств, к толчкам, шёпоту и насмешкам. Но студенты лишь переглядывались, скривились, но не предпринимали действий. Особенно это касалось тех, кто раньше планировал причинить им вред.

Харука и Джули шли спокойно, сдержанно, наблюдая за происходящим вокруг. И с каждым шагом они понимали: что-то изменилось. Никто не тронул их, никто не пытался навредить. Впечатление было явным и почти осязаемым. Это было затишье перед бурей, которое ощущалось всей Академией.

Пересечение арок

Тёмный коридор тянулся перед Виктором, узкий и слабо освещённый тусклым светом из высоких окон. Его шаги гулко отдавались по каменному полу, отражаясь от стен. Внутри зрело

раздражение – раздражение на невозможность влиять на Академию так, как хотелось бы, на Теренсов, и на всех этих оборотней, которые творят что хотят.

Внезапно в периферии зрения Виктор заметил Дейдара. Их взгляды встретились всего на секунду. Виктор замедлил шаг, затем обернулся к нему, секунду молча смотрел, прежде чем снова повернуться и продолжить идти. Этот жест, рассчитанный и холодный, раздражал Дейдара, но он не сказал ни слова, просто последовал за ним, чувствуя, что Виктор собирается начать разговор.

– Дейдара, – начал Виктор, не оборачиваясь, шаги его были уверенными и ровными, но голос излучал недовольство. – Ты опять не смог приструнить своих псов. Опять что-то выкинулось из-под контроля, и скоро никто никого не будет слушаться. Академия теряет дисциплину.

Дейдара спокойно, но с заметной внутренней остротой ответил:

– Почему ты сразу решил, что это они? – произнёс он, слегка ускоряя шаг, чтобы идти рядом. – Может, что-то произошло, но обвинять заранее это не лучший способ разобраться.

– Не придумывай оправдания, – резко отозвался Виктор, слегка сжав кулаки. – Каждый раз одно и то же. Близнецы делают всё, что им вздумается, и кто будет держать их в узде, если не ты?

– Я не собираюсь бросаться на них, только ради твоей уверенности, – сказал Дейдара спокойно, но с внутренней раздражённостью. – Ты постоянно пытаешься доказать, что ты единственный, кто правит. Но нас трое. Академия управляется нами совместно. Ты не единственный владыка здесь, Виктор.

Виктор резко остановился, взглянул на него с холодной серьёзностью:

– Совместно, говоришь? Совместно, пока кто-то делает, что хочет, а я наблюдаю последствия? Твои подопечные во главе этих Теренсов, творят беспредел, и твоя «совместность» не удерживает их.

– А ты уверен, что контроль решает всё? – спокойно спросил Дейдара. – Может, иногда нужно позволить им действовать, иначе они просто ломаются. И я прекрасно понимаю, что ты хочешь, чтобы всё было по твоей воле, но это не значит, что я должен полностью подчиняться тебе.

– Ха! – прохрипел Виктор сквозь зубы, глядя прямо перед собой, – Не нравится тебе? Это не меняет того, что происходит, что Академия теряет контроль, а ты – слишком мягок, чтобы их усмирить.

– Я не мягок, – тихо, ровно, но твёрдо сказал Дейдара. – Я действую иначе.

Виктор молчал несколько секунд, шаг за шагом продолжая идти, ощущение раздражения висело в воздухе, словно тяжёлое облако.

– Ты слишком часто напоминаешь себе, что я не один... – наконец произнёс он, без злости, скорее с холодной отчётливостью. – Но это не меняет того, кто здесь главный.

Дейдара кивнул, слегка ухмыльнувшись:

– Главный? Возможно. Но Академия – это не только твоя игра, Виктор. И это ты тоже должен помнить.

Их шаги растворились в длинном коридоре, а узкий свет окон подчёркивал напряжённую дистанцию между ними. Когда они подошли к перекрёстку, Виктор свернул в сторону, а Дейдара в другую. Молчание и невысказанная вражда остались в коридоре, как тяжёлое послевкусие их столкновения.

Не по уставу

Дейдара тихо шагал по заднему двору Академии. В воздухе витала лёгкая прохлада, тёмные тени деревьев растягивались по земле, создавая причудливые узоры. На старом поваленном бревне, лежащем прямо на земле, сидели братья Теренс – Тоби и Джаспер. Они смеялись, тихо переговариваясь между собой.

Дейдара наблюдал за ними несколько минут, скрываясь в тени, прислушиваясь к их разговорам. Казалось, что даже смех Тоби и Джаспера обладает весом, и любой звук, исходящий от них, влиял на пространство вокруг.

Дейдара подошёл к бревну, где сидели братья Теренс. Он остановился на небольшом расстоянии, оценивая ситуацию. Его голос прозвучал твёрдо, без лишней ярости:

– Хватит этих шуточек в сторону Виктора. Уже ваши шутки услышаны во всей Академии. Вы портите мою репутацию.

Тоби нахмурился, встал, сделал шаг вперёд:

– Репутация? – переспросил он, с лёгкой насмешкой. – Дейдара, тебе важна только твоя репутация.

Дейдара слегка нахмурился и шагнул к нему:

– Ты ведёшь себя, как мальчишка. Не знаешь, что происходит за пределами твоего ребячества.

Тоби усмехнулся, делая шаг назад:

– А ты ходишь вокруг Виктора, как старожилый пёс, всё слушаешь, всё контролируешь. Ну что ж, посмотрим, кто сильнее.

С этими словами напряжение мгновенно вырвалось наружу. Дейдара первым ударил Тоби в грудь, отталкивая его, а тот с ревом превратился в серебристого волка-ликана. Дейдара последовал за ним, принимая форму громадного волка.

Началась битва.

Они сталкивались, как два стихии, в их ударах чувствовалась сдержанная сила, точность и скорость. Дейдара был старше, опытнее, и его удары тяжело давались, но Тоби не уступал в ловкости и мощи. Каждый их прыжок сотрясал землю, каждый удар сопровождался рыком. Порыв ветра от движения их тел разносил листья и ветви. Их сила была почти равна, хотя Дейдара явно имел небольшое преимущество.

В стороне Джаспер наблюдал, расчётливо фиксируя каждый шаг и каждое движение. Как только ударный ритм достиг предела, он вышел из тени, голос прозвучал резко:

– Стоп. Достаточно.

Обратное превращение завершилось быстро, почти буднично, но теперь можно было разглядеть сам механизм обратной трансформации.

Последним отступал звериный импульс – тот самый, что держит ликана в форме волка, даже когда разум уже готов говорить словами.

Позвоночник выпрямлялся первым, сопровождаясь тихим, сухим хрустом – не пугающим, а скорее похожим на разминку суставов.

Следом менялась осанка: плечи опускались, дыхание становилось ровнее, взгляд прояснялся.

Черты лица возвращались последними – вытягиваясь назад в знакомые человеческие линии, будто кто-то проводил ладонью по отражению, стирая зверя с поверхности зеркала.

Мех исчезал плавно, почти мгновенно, но без резких эффектов: он таял, как густая тень, а не осыпался обрывками.

Когти втянулись тихо, без щелчков и треска, уступая место обычным человеческим пальцам.

Одежда действительно переживала свои битвы.

Ткань могла натянуться, слегка разойтись по шву, иногда – пострадать от превращения: где-то появлялась прореха, где-то рвался рукав или край штанины.

Но вещи никогда не рассыпались и не рвались на части: даже в худшем состоянии они сохраняли главное – свою цель.

Ликаны всегда выбирали одежду свободную и практичную: широкие штаны или карго, футболки и толстовки с запасом, куртки чуть мешковатые, не стесняющие движения, прочные,

но не “неубиваемые” – они могли порваться, но не рвались на куски, и самое главное: при любом превращении оборотень не оставался без одежды полностью, даже если ткань и несла на себе следы трансформации.

Этот стиль был не про внешний вид – а про выживание, уважение к себе и тактику.

В мире, где каждый миг может стать испытанием, даже одежда становилась частью негласных правил: она могла страдать, но никогда – предавать своего носителя.

Дейдара тяжело дышал, посмотрел на Тоби и, не говоря ни слова, направился прочь.

– Дейдара этого не забудет, – тихо сказал Джаспер Тоби.

– И не должен, – ответил тот с лёгкой усмешкой.

Парни остались в лесу. Дейдара исчез в тени деревьев, оставляя за собой едва уловимую тревогу. Тоби посмотрел на Джаспера, дал ему знак, что нужно немного отойти, и отошёл на небольшое расстояние.

И все это время прячась за деревьями, Роксана наблюдала за всем происходящим. Своей скрытой позиции она видела всю последовательность – тихий подход, напряжённый обмен словами и, наконец, колоссальную схватку между Дейдарой и Тоби. Её глаза блстели, полные расчёта, оценивая, как эта демонстрация силы и соперничества может сыграть на её руку. Она оставалась неподвижной, позволяя лесу скрывать её, ожидая момента, когда сможет уйти с добытой информацией.

Но она недооценила Джаспера. Он задержался после столкновения, спокойно наблюдая за последствиями. И он заметил её.

– Занята, да? – его голос тихо прорезал тишину, но в нём ощущалась сила и авторитет. Роксана напряглась, пойманная на месте.

Она немного высунула голову из-за деревьев, показывая вежливую, но осторожную улыбку.

– Я не хотела вмешиваться. Мне было просто любопытно.

Взгляд Джаспера был острым, непреклонным.

– Любопытство может быть опасным. Ты видела больше, чем должна, и ни одна деталь не покинет это место, – сказал он, голос был строгим, но сдержанным.

На губах Роксаны мелькнула лёгкая ироничная улыбка.

– Я не собираюсь ничего забирать, просто наблюдала.

– Запомни, – продолжал Джаспер, делая шаг ближе, – что здесь происходит, остаётся здесь. Ничего не уносится. Поняла?

Её лицо стало серьёзным. Она поняла весь вес его слов. Это было не просто предупреждение – это был контроль. Она медленно кивнула, скрывая согласие за маской спокойствия.

– Хорошо, – сказал Джаспер, удовлетворённый. Он сделал шаг назад, позволяя ей уйти, но глаза его не отрывались. Роксана растворилась в тених деревьев, осторожная, но расчётливая, полностью осознавая, что её заметили и что у неё нет выбора, кроме как следовать его предупреждению.

После Роксаны, присущей ей игривой походкой, направляющейся в сторону Академии, к Джасперу присоединился Тоби. Он наблюдал за лицом Роксаны и понимал, что что-то произошло. Доверившись брату, что тот, возможно, всё уладил, они оба отправились обратно, но пошли другим путём, не следуя напрямую за Роксаной.

Прошло несколько дней. Академия дышала прежним ритмом, размеренным и почти усыпляющим.

О близнецах Теренсах действительно говорили всё реже – их присутствие стало редким, почти незаметным, будто они сами решили стать фоном, а не фигурой.

Но перемены в них измерялись не частотой появлений, а смыслом пауз.

Они уходили чаще, чем возвращались, но никто не знал куда.

Они говорили меньше, чем думали, и думали больше, чем показывали.

Со стороны могло показаться, что братья утратили интерес к интригам Академии, но на деле в воздухе ощущалось другое: их молчание стало системным, а отсутствие – преднамеренным.

Что-то зрело. Но не шумом. А тихим смещением баланса, которое заметит только тот, кто смотрит слишком внимательно.

И с каждым днем Академия становилась чуть тише, чем вчера.

Студенты-оборотни исчезали из общего ритма почти синхронно, малыми группами, без сигналов и собраний – но с необъяснимой закономерностью.

Со стороны могло казаться, что это обычные смещения в плотном потоке учащихся.

Но внимательный глаз замечал: пропадали почти всегда волки-ликаны. Те, кто ещё недавно выглядели разрозненными, независимыми, даже равнодушными друг к другу, теперь всё чаще оказывались рядом перед тем, как уйти.

Они не объявляли союзов, не клялись в верности и не нарушали правил открыто.

Но что-то в них становилось иным: в повороте головы, в паузе перед ответом, в новой собранности плеч и в тихой, уверенной походке, которую не объяснишь словами.

Студентов искали, как ищут всегда: спокойно, методично, по спискам и коридорам.

На вопросы об отсутствии звучали привычные фразы: «не видел», «разошлись», «может, задержались». И потому в Академии никто не поднимал тревоги раньше времени – ведь следы исчезновения не кричали, они лишь совпадали.

А совпадения здесь давно привыкли считать частью тёмной архитектуры мира.

Проходили дни, но ночи запоминались лучше.

Особенно тем, кто замечал то, о чём не принято спрашивать.

Тёмная метка

Ночь в Академии всегда наступала иначе, чем днём. Коридоры стихали, шаги растворялись в камне, и даже воздух казался плотнее, будто стены начинали слушать.

В комнате девушек было темно. Свет они не включали принципиально – только слабое серебро луны проникало через большое окно, ложась на пол и очерчивая силуэты мебели. Джули и Харука сидели в креслах у окна, поставив между собой небольшой столик. Они ели молча, неторопливо, словно каждая секунда тишины была частью осторожного ритуала.

В Академии мало кто питался человеческой едой. Вампиры в ней не нуждались вовсе, ведьмы имели свои привычки и ограничения, оборотникам требовалось огромное количество пищи – в основном мяса. А люди... люди здесь были исключением.

Но исключениям полагались и исключительные правила.

Где-то на нижних уровнях Академии существовали резервные хранилища припасов, к которым людям давали ограниченный доступ – как квоту, а не привилегию. О происхождении еды не говорили, потому что здесь о многих вещах не говорили вовсе.

И так, Джули и Харука чаще всего ели именно ночью – перед открытым окном, при лунном свете, не привлекая внимания. Осторожность стала для них инстинктом. Они не знали, что кто-то уже вставал между ними и опасностью. И потому предпочитали считать, что защиты у них нет.

– Мне всё ещё здесь не по себе, – тихо сказала Джули, отставляя пустую тарелку. – Даже сейчас.

Харука кивнула, не глядя на неё.

– Учителя будто делают вид, что ничего не происходит. Да, стало тише... но это не значит, что стало безопасно.

Академия не была обычным учебным заведением. Здесь не учили физике, химии или биологии. Было лишь несколько общих дисциплин – занятия равновесия, контроля, концентрации. Всё остальное делилось строго по видам.

У оборотней – свои наставники, свои тренировки, своя боль.

У вампиров – свои залы, свои уроки сдержанности.

У ведьм – магия, ритуалы, формулы и древние практики.

А люди... люди не принадлежали ни к одной системе.

Джули и Харуку могли в любой день отправить на любой урок. У них не было стабильного расписания. Они просто просыпались утром и ждали, что их ждёт сегодня. Любой преподаватель мог забрать их в зал, отметить присутствие – и на этом всё.

Иногда это означало стать частью урока.

– Помнишь прошлую неделю? – тихо произнесла Харука. – Занятие у вампиров.

Джули поморщилась.

Конечно, она помнила.

Их вывели в центр зала – под контролем учителя, разумеется. Никакого прямого вреда. Всё было «в рамках». Вампирам задавали вопросы, моделировали ситуации:

что бы ты сделал, увидев человека с кровоточащей раной?

что бы ты сделал, если бы он попросил о помощи?

как ты удержишься?

А Джули и Харука стояли там – живые, тёплые, дышащие.

Как наглядный пример.

Как испытание.

Физического ущерба не было. Но страх – был. И он въедался глубже любых ран.

Когда они закончили есть, девушки приняли душ – быстро, почти машинально. Тёплая вода смывала усталость, но не тревогу. После этого они разошлись по кроватям, не переговариваясь. Так было всегда.

Они старались не нарушать покой друг друга ночью. Даже если не спали – молчали.

Джули знала это точно. Она не раз замечала: свет давно погас, дыхание ровное, но ни она, ни Харука не спят. Час, два – мысли, страхи, вопросы, которые некому задать.

Но этой ночью что-то было иначе.

Харука легла, укрылась одеялом – и почти сразу затихла. Слишком быстро. Джули насторожилась и несколько минут наблюдала за ней. Дыхание было ровным, спокойным. Похоже на сон.

Или... не совсем.

Джули повернулась к стене и закрыла глаза, пытаясь уснуть сама.

И в этот момент её накрыло.

Странное ощущение – холодное, вязкое. Оно не имело формы, но заполняло всё внутри, поднимая необъяснимый страх. Сердце билось быстрее, хотя она точно не спала. Мысли путались, словно кто-то осторожно, но настойчиво касался их изнутри.

Джули открыла глаза.

Тьма в комнате была прежней. Луна всё так же светила в окно.

Но чувство не исчезло.

И она поняла —это только начало.

Джули резко открыла глаза и села на кровати. Сердце билось глухо и тяжело, будто предупреждая. Свет она не включила – в этом не было нужды. За прошедший час темнота стала привычной, глаза различали очертания мебели, линию окна, тень шкафа у стены.

Но ощущение не исчезало. Наоборот – оно усилилось.

Чёткое, липкое чувство, что в комнате есть кто-то ещё.

Джули медленно встала и огляделась. Взгляд скользнул по стенам, по полу, по углам, где тьма всегда кажется гуще. Ничего. Всё было на своих местах. Слишком спокойно.

Она посмотрела на Харуку.

Та спала. Дыхание ровное, глубокое. Лицо расслабленное, почти безмятежное – слишком безмятежное для Академии.

Джули сделала шаг вперёд... и именно тогда заметила это.

Из узкой щели под дверью что-то медленно просачивалось внутрь. Сначала Джули показалось, что это тень – будто кто-то стоит за дверью, заслоняя свет коридора. Но тень не вела себя так.

Она двигалась.

Нет.

Это был не свет и не тьма.

Дым.

Тонкий, вязкий, едва заметный, он стелился по полу, почти не поднимаясь, словно знал, куда идти. Джули замерла, наблюдая, как он медленно тянется вперёд – прямо к кровати Харуки.

– Хар... – попыталась позвать она, но голос застрял в горле.

Джули рванулась с места – и в тот же миг её тело предало её. Руки и ноги внезапно стали тяжёлыми, чужими. Она сделала шаг... и с глухим ударом упала на пол.

Боли не было.

И тьмы тоже.

Глаза оставались открыты. Мысли – ясными. Она всё понимала. Всё видела.

Но не могла пошевелиться.

Джули в ужасе следила, как дым достигает кровати. Он поднимается выше, клубится, будто осторожно, почти ласково... и начинает растворяться в теле Харуки.

Не исчезает – впитывается.

Через мгновение в комнате всё ещё стоял лёгкий туман, но той тёмной, целенаправленной формы больше не было. Как будто она перешла границу. Как будто нашла себе оболочку.

И тогда Харука зашевелилась. Медленно. Слишком медленно.

Она села, не открывая глаз. Движения были неровными, будто кто-то тянул за невидимые нити. Джули почувствовала это сразу – леденящее понимание, которое не требовало слов.

Это была не Харука.

Харука встала с кровати. Повернулась к двери. Ни выражения, ни эмоций – пустота. Тело двигалось, но не по своей воле.

Она сделала шаг. Потом ещё один.

– Нет... – прошептала Джули, но звук не вышел.

Харука шла к двери.

И в этот момент Джули окончательно поняла:

это не случайность. Не сон. Не побочный эффект Академии. Кто-то делал это намеренно. Кто-то пришёл за Харукой.

Харука вышла из комнаты.

Джули видела это отчётливо – видела пустоту в её движениях, отсутствие чего-то живого за взглядом. То, что завладело ею, всё ещё было рядом, направляя её тихо и беспощадно.

Но в тот момент, когда Харука переступила порог, давление, сковывавшее тело Джули, начало ослабевать.

Туман отступал.

Словно заклинание последовало за Харукой, полностью оставив Джули. Медленно – мучительно медленно – чувствительность возвращалась в её тело. Ноги дрожали, были слабыми, едва удерживали вес, но Джули заставила себя подняться.

– Харука... – выдохнула она хрипло.

Она бросилась за ней, спотыкаясь, почти падая, выбегая в коридор.

Харука стояла у окна.

Слишком близко.

Её силуэт чётко вырисовывался на фоне стекла, ладонь лежала на подоконнике, а поза была неестественно неподвижной – словно она готовилась сделать шаг вперёд. Их комната находилась на первом этаже; падение не стало бы смертельным. Возможно, даже серьёзным. Но Джули не знала этого тогда.

И даже если бы знала – она всё равно не позволила бы этому случиться.

Собрав последние силы, она рванулась вперёд и схватила подругу, резко оттащив её назад. Они обе пошатнулись, едва не упав, но Джули удержалась.

– Проснись, – прошептала она с отчаянием. – Пожалуйста... проснись.

Харука обмякла у неё на руках. Тело стало тяжёлым, дыхание сбивчивым. Медленно её веки дрогнули, глаза открылись – растерянные, мутные, но уже не пустые.

Джули не стала ждать.

Она затащила Харуку обратно в комнату, заперла дверь на ключ и уложила подругу в постель, осторожно, дрожащими руками. Харука выглядела оглушённой, вымотанной, едва осознающей произошедшее.

На короткий миг Джули позволила себе выдохнуть.

И в тот же миг снова всё рухнуло.

На неё обрушилась внезапная, сокрушительная тяжесть. Комната накренилась. Звуки притупились. Тьма хлынула внутрь – не сон, не покой, а нечто резкое и жестокое.

На этот раз она не просто упала. Её словно выключили.

Через некоторое время Джули проснулась в тишине. Комната была пуста, а Харуки не было.

Дверь стояла открытой —и нет, не просто открытой. Выбитой. Замок был сломан, дерево возле косяка расщеплено, будто кто-то вырвал его без малейших колебаний.

Из коридора тянуло холодом.

Джули медленно села, голова раскалывалась, обрывки воспоминаний ускользали, как дым сквозь пальцы.

И одна мысль с пугающей ясностью осела у неё в груди:

То, что пришло за ней... вернулось. И на этот раз оно забрало Харуку.

Когда она только увидела, что Харука исчезла.

Её тело всё ещё было слабым – ноги ватные, не слушались, но на этот раз она заставила себя действовать. С усилием и болью в теле она поднялась и побежала. Сначала были жалкие попытки бега. Но Джули сама себе еще раз доказала, свой сильный дух. И падая снова и снова она продолжала бежать, делать рывки. И наконец тело вернуло, хоть и не все, но кое какое управление своей хозяйке. И она побежала по коридору.

А коридор был пуст. Ни шагов, ни теней, ни звуков, кроме её собственного учащённого дыхания.

Паника охватила её, когда она подбежала к окну – тому самому, от которого она недавно оттащила Харуку. На мгновение ужас окутал её: Что если я была слишком долго без сознания? Что если прошло больше времени, чем она поняла?

Но потом она поняла – прошло всего несколько минут. Пять, может быть десять, не больше.

И окно всё подтвердило. Никто не упал.

Облегчение ударило так сильно, что её ноги едва держали вес. Дрожащими руками она прижалась к подоконнику, присмотрелась наружу.

За окном раскинулся лес.

И там – между тёмными стволами и бледным туманом – она увидела Харуку, которая шла в сторону леса.

– Харука! – выдохнула Джули.

Она не сомневалась.

То что комната была на первом этаже, сыграло ей на руку, и Джули рванулась на улицу, перепрыгивая через влажную траву, сердце билось так, будто вырвется из груди. Она гнала себя вперёд, но лес проглотил Харуку. Её фигура мелькнула – и исчезла.

Джули бежала глубже в деревья.

– Харука!

– Харука!

– Харука!

Она кричала, пока голос не сорвался, пока лёгкие не горели, но никто не отзывался.

Страх должен был её остановить, но не остановил.

Адреналин заглушил всё остальное. Она искала её вслепую, отчаянно, зовя по имени снова и снова, спотыкаясь о корни и грязь. Время перестало существовать – прошёл час, а может, и больше.

И вот, наконец, она нашла её.

Харука лежала полумёртвая в грязи, тело неподвижное. Пижама была испачкана, прилипла к телу. Она выглядела невероятно слабой, уязвимой.

– Харука – нет, нет, пожалуйста! – рванулась к ней Джули, рыдая. – Я спасу тебя. Держись!

Дрожащими пальцами она проверила пульс.

Он был. Слабый, но живой.

– Жива... – прошептала Джули, будто произнесённое слово могло удержать это в реальности.

Но она не знала, что делать.

Она была одна. Испуганная. Истощённая. Никогда прежде с этим не сталкивалась.

И в миг она почувствовала движение. Что-то приближалось.

Ветки шуршали. Шаги были слышны.

Мгновение – и надежда вспыхнула в груди, хрупкая, отчаянная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.